

И

ИРИНА ЖУНОВА
Родилась в 1983 году в военном гарнизоне в Саратовской области. По образованию — инженер, преподаватель, кандидат экономических наук. Училась в литературных мастерских Creative Writing School (CWS) на курсе прозы Майи Нучерской.

Преподавала литературное мастерство в детских мастерских CWS. Работает в магистратуре «Литературное мастерство» в НИУ ВШЭ. Публиковалась в журналах «Знамя», «Прочтение», литературном альманахе «Пашня», в сборнике «Счастье-то наное!» Реданции Елены Шубиной.

Подъезд был старый и облупленный. Вика не стала подниматься на этаж и села на подоконник между первым и вторым. За стеклом гремели поезда, пролетающие между ажурными сварными крыльями моста. Раньше здесь было тихо, но после начала строительства Московского центрального кольца родители переехали на дачу — маме становилось все хуже, голова болела все чаще, а с запуском поездов стало просто невыносимо. Теперь для нее все наконец закончилось.

Сверху доносился скрежет и грохот: два огромных бородатых мужика кантовали древний холодильник. В просвет между перилами Вика видела то локоть, то чью-то лохматую голову, то бок холодильника, весь в царапинах и рыжих пятнах, каждое из которых она знала в лицо. Вика дождалась, когда холодильник проволокли мимо, и поднялась на площадку.

Дверь открыл Вик. Папина фланелевая рубашка поверх футболки с Pepsi, которую он носил еще подростком. Вика подняла брови, но он только кивнул: — Сделать тебе чай?

— Только давай сегодня не рассиживаться, дел до черта, — одновременно выпалила она.

Так было всегда: близнецы Виктор и Виктория если не говорили вместе, то договаривали друг за друга. Вик — тонкий, с длинной шеей и гибкой спиной, похожий скорее на танцора, чем на про-

граммиста. Длинные светлые волосы всегда собирал в небрежный хвост. А Вика — прямая, ломкая, в зеркале — на полголовы выше того роста, на который ощущала себя внутри. Со спины их, пожалуй, можно было перепутать. Но стоило им начать двигаться — и разница становилась очевидной. Вика носила все на своем пути, а Вик был тем, кто с ловкостью фокусника заставлял окружающие предметы повиноваться ему, и вообще, видимо, был создан для того, чтобы усмирять рождаемый сестрой хаос. После окончания политеха они не жили вместе, зато вместе работали, используя все преимущества синергии близнецов.

Вика огляделась: одежду и разный хлам уже сложили в коробки и вывезли. Старые дубовые шкафы пялились пустыми глазницами стеклянных дверок, у стен лежали длинные бревна свернутых шерстяных ковров — бабкины подарки. Этот — на свадьбу, тот — к рождению близнецов, самый маленький — на юбилей. Посередине гостиной неловко замер огромный лакированный стол с шербатыми углами. Вика и не помнила, когда последний раз видела его без скатерти, и теперь ей казалось, будто с него сняли обертку. А конфета под ней — горькая.

Оставались только книги. Мама, всю жизнь проработавшая библиотекарем, занималась коллекционированием. Вик и Вика всегда знали, что сам процесс поиска, отбора и заполнения полок имел

какой-то навязчивый смысл, что эта – книжная – сторона маминой жизни была для нее, пожалуй, важнее семьи. Не сговариваясь, они откладывали разбор библиотеки до последнего: с одной стороны, это – самое важное, что осталось от мамы. С другой – в век крошечных съемных квартир и электронного чтения смысл в этом бумажном мавзолее был исключительно сентиментальный.

Вика, не разуваясь, прошла за братом на кухню. В распахнутых шкафах было пусто. Опустошенно.

– Точно не хочешь чай?

Вике казалось, что он хочет о чем-то поговорить и просто не знает, с чего начать.

– Как там Черри?

Вика вздохнула и терпеливо ответила:

– Живая.

После похорон она забрала себе мамину собаку, мелкого трясущегося чиха.

– Андрей не против?

– Он-то счастлив. Он вообще мечтает о доме, полном собак, котов, рыб. Детей.

– Опять поругались?

– Угу. Не знаю, может, со мной что-то не так? Трясет от одной мысли. Еще собака эта. У нее, похоже, маниакально-депрессивный психоз. В депрессивной стадии она меня преследует, дрожит и требует на ручки даже в душе, а в маниакальной рычит, когда я выковыриваю ее из нашей постели.

– Жопа.

– Ну. А у тебя как? – Не прекращая разговора, Вика прошла в комнату и начала доставать книги с узких полок.

– Не знаю, вроде хорошо. – Вик вошел следом с чашкой в руках и мялся в дверях.

– Вы с Олей что-то решили?

Мама весь последний год терроризировала Вика за то, что он связался с девчонкой, беременной от другого. А с тех пор, как Оля родила девочку с ямочками на щеках и коленках, мама при любом удобном случае напоминала Вику, что он нужен Оле только как отец для Ксюши. И вслух пространно сомневалась, что он годится на эту роль. Вик, как кажется, сомневался тоже, так как жениться не спешил. Вика Олю тоже не слишком любила. Не из-за того, что она заняла в жизни брата столько места, сколько до нее отдавалось только Вике. Нет. Просто было в ней что-то. Шемящий, тревожащий запах. Сладкий и одновременно такой горький, что хотелось бежать прочь и выть, забившись в ближайшую дыру. Запах младенца.

– Ничего мы не решили. Вика, что ты делаешь?

– Снимаю это дерьмо. Не понятно?

Вика бросила книги и теперь тянула простыню со старого зеркала в тяжелой раме, но край полотна за что-то зацепился. Она дернула раз, другой, привстала на цыпочки, пытаясь разглядеть, в чем проблема, не увидела и опустила на табурет.

– Забей, ну.

– Вик, ты же взрослый человек. Понимаешь, что это все какое-то мракобесие?

– Если отцу так проще – пусть висит. Оставь.

– Да он сюда после похорон даже не приехал ни разу.

Эта квартира осталась маме от бабки. Когда отец закончил учебу и пошел служить на подлодку, мама отказалась уезжать за ним в Североморск. «Какая разница, где сидеть на берегу и ждать? А здесь я хотя бы дома!» Отец прослужил четырнадцать лет. И каждый год все труднее становилось отождествлять большой фотопортрет из маминой спальни, с которого улыбался молодой, подтянутый усач в парадной форме, и этого редкого гостя: все более тучного, все более старого, все более – чужого. Только тельняшки не менялись. Огромные, пахнущие тем самым бравым усачом с портрета и – чем-то острым, неведомым, как из банки с ракушками. Морем.

Все четырнадцать лет на даче копилось честно добытое барахло, которое отец тащил из Североморска в каждую побывку и отпуск. Пять ящиков из-под снарядов, полных диодов, хренодов, черт знает чего еще.

– Пап, давай вынесем это, ей-богу, ну не развернуть! – предлагал Вик.

– С ума сошел? – орал отец. – Тут целое состояние!

– Ну так давай сдадим! На цветмет.

– Ты головой думаешь? Хочешь, чтоб отца посадили? Все, закрыли разговор.

Маме, казалось, было все равно. А Вик и Вика все детство мечтали о том, что однажды они с отцом из этого неведомого соберут – пусть не подлодку, хоть заваливающий батискаф – и отправятся в путешествие вниз по Клязьме. В день ВМФ отец с утра устанавливал над крыльцом андреевский флаг, наряжался в парадную форму и обещал, что чуть попозже, вот буквально через часик, пойдем посмотрим, что там в ящиках. И начинал пить. К обеду, когда флаг в глазах у него уже троился, отец разрешал Вику и Вике поиграть с кортиком, на этом мама выходила из себя, веселью приходил конец, а подводная лодка засыпала в своих ящиках еще на год.

– Слушай, я тут кое-что нашел. Ага, вот оно. – Вика внутренне подобралась. – Я не знаю, правильно ли я понял, что это, но...

Она, трехлетняя, стоит в дверях родительской спальни, где мама при свете тусклого ночника еле шаркает по комнате в расстегнутом папином халате. Некрасивая, уставшая. Ей больно ходить и больно сидеть, мама может только лежать, но все равно почему-то хочет играть с этой новой куклой, которая только снова и снова заходится страшным тихим криком.

Вик достал откуда-то коробку, явно припрятанную им, чтобы не попала на глаза в первый же момент. «Готовился», – подумала Вика. Дело швах. Коробка была размером с книгу, старая, из плотного картона, вытертого на сгибах. В таких хранили бумаги, документы или фотографии.

– Вик, перестань, у тебя такое лицо, что меня сейчас инфаркт хватит.
– Прости. В общем, я подумал...
– Что мы должны посмотреть это вместе, я поняла. – Вика осторожно взяла в руки коробку, в уме молниеносно перебирая варианты: наследство – неоткуда, усыновление – нет, есть фото с близнецами у роддома, долги – бред.

Под крышкой действительно оказались бумаги. Записки, обрывки, несколько документов, в том числе голубой листок (старое свидетельство о рождении?) и фиолетовый (о смерти?). Вика аккуратно вынула из стопки цветное фото, привет девяностым: диван у ковра, мама, папа, между ними – трехлетние близнецы, а на руках у недовольной, зареванной Вики – маленький сверток в тугих белых пеленках, из которых виднелся крошечный бледный профиль с носом-кнопкой.

Что?

- Ты как?
- А? Да нормально, почему ты спрашиваешь? – Вика сосредоточенно изучала документы из коробки. «Стафилококк... поражение органов дыхания...»
- Я отсюда вижу, как у тебя глаз дергается.
- Херня.
- Почему родители никогда об этом не говорили? – Вик задумчиво крутил в руках фотографию. – Ты хоть что-то помнишь?
- Ни черта я не помню лет до четырех. А ты?
- Детский сад немного. Дача. Подлодку.
- Видимо, сначала мы были слишком маленькие...
- ...а потом стали слишком взрослыми, – закончил за нее Вик.

Вика не глядя складывала аккуратные стопки книг в огромные коробки и думала о том, что ее мир всегда был несовершенен, неполон. В нем как будто чего-то не хватало. Как звучит секунда, каков на ощупь понедельник, какого цвета обратная сторона неба? Столько всего узнать было невозможно. Когда она пыталась это что-то поймать, назвать и выспросить у родителей, оно ускользало.

И вот сейчас – она вдруг с ошеломляющей ясностью поняла, наконец нащупала, где именно всегда была дыра. И теперь погружала пальцы в гладкую неровность, изучая – какое оно? И оно – было. Как световой оттиск, который продолжает стоять перед глазами, если зайти в темную комнату.

Вика знала, что и брат тоже всегда это чувствовал. С ними в детской жила тень, падавшая от высокого портика здания через дорогу. Каждый день она кочевала из угла в угол: появлялась на одной стене, скакала по письменному столу, по детским кроватям, к вечеру спускалась на другую стену и исчезала за плинтусом. Зимой тени не было, только мягкий намек в углу, будто она опала и уснула. Но каждую весну тень возвращалась, к лету вставала в полный рост, а осенью снова засыпала. Не умея дать ей имя, Вик, заговоривший очень поздно, звал ее Иии.

- Точно ничего не хочешь оставить себе? – спросил Вик, оглядывая сложенные и подписанные коробки, которые должны были отправиться на книжный развал.
- Нет, – ответила она без паузы. – Ничего.

Ночь была тяжелой. Андрей уже спал и дышал ровно, глубоко. Вика ловила этот звук, пытаясь поймать ритм, будто если ей удастся, сон – горя-

чий, плотный, тугой – придет. Но она сбивалась, сон накатывал дурным забытьем и рвался.

Она, трехлетняя, стоит в дверях родительской спальни, где мама при свете тусклого ночника еле шаркает по комнате в расстегнутом папином халате. Некрасивая, уставшая. Ей больно ходить и больно сидеть, мама может только лежать, но все равно почему-то хочет играть с этой новой куклой, которая только снова и снова заходится страшным тихим криком.

Вика металась по мокрой подушке.

Она бежит по коридору от мамы и кричит на одной ноте: «Выкинь-выкинь-выкинь-выкинь!»

Проснувшийся Андрей обнимал ее во сне, гладил по волосам, но она только выпутывалась из влажных простыней, отталкивала его горячие руки и снова забывалась.

Папа укладывает в поникший, похудевший чемодан неглаженные тельняшки. Мама уезжает со своей новой куклой. Вика ждет ее, почти не покидая наблюдательного поста у окна. Соседка, оставшаяся присмотреть за детьми, сердится и не разрешает сидеть на подоконнике. Зато можно есть конфеты сколько хочешь. Мама столько не дает.

Нечем дышать.

Мама смотрит на отца взглядом, уже обращенным куда-то внутрь себя. Она очень слаба, путается в мыслях и воспоминаниях и только просит: «Позаботься о них. Прошу. О Вите, Вике и... Вите-Вике-и».

Вик, Вика, И.

Утром Вика проснулась, когда Андрей уже ушел на работу. Черри свернулась на его подушке и спала, высунув язык. На кухне Вику ждала тарелка с двумя одинаковыми бутербродами и записка: «Я покормил Черри. Проснешься – позвони. Есть идея, куда поехать на выходные. Тебе надо развеяться».

Не дав себе времени передумать, Вика схватила телефон, набрала его номер и выпалила:

- Прости, пожалуйста. Но я не могу. Я не хочу детей. Не могу, не хочу ни о ком заботиться. Я соберу сегодня вещи и пока перееду к папе. Пожалуйста, не отговаривай меня, я уже все решила.
- Не успела она положить трубку, раздался звонок. Вик. Кто же еще.
- Вика, я тут подумал, я не хочу продавать эту квартиру...
- Да, – как обычно, перебила Вика, не дав ему договорить.
- Прости, что я – вот так. Но если вы с папой не против, я... Мы с Олей и Ксюшей...

– Да. Да, конечно. Живите.

Вика села на край кровати. Черри спала, чуть дергая лапами. Отодвинув собаку подальше вместе с подушкой, Вика легла рядом и закрыла глаза. Уже в это воскресенье – день военно-морского флота. Отец достанет флаг, форму и кортик. И, может, на этот раз они начнут наконец строить чертову лодку. Главное – чтобы все поместились: Вик, Вика, И.

КОГДА ПРИДЕТ РЕКА

Двери не было. Под вывеской «Речная мастерская» – только распахнутые покосившиеся ворота, обшитые листовым железом. Тяжелые, скрипучие, с крошащимися заржавленными краями. Краска почти сошла, и лишь кое-где держались блестящие скорлупки цвета глубокой водной сини.

Двор был щедро засыпан щебенкой. На покосившемся штaketнике сушились перевернутые банки, хлопал на ветру упаковочный целлофан, клоками сорванный с новых коробок с деталями. Рассыпалась горстями рябь по стылой – муть на дне – луже. Две вороны лениво разгребали сор и стружку в поисках блестящей мелочи: гаек, болтов, шайб.

Около забора стояла криво запаркованная «Волга», дородная, задастая, насквозь ржавая. Ее в девяностых пригнал из самой Москвы дядя Василий. Костя от неожиданности проехал мимо, но испугался собственной трусости и резко затормозил, больно стукнувшись грудью об руль.

Запарковавшись строго параллельно «Волге», он пошел к воротам, неуверенно оглядываясь на машину. Со света Костя не различил, что в темном помещении мастерской дед стоит совсем близко и с интересом его рассматривает. Проклиная свой внезапно осипший голос, Костя прохрипел:

– Дядь Василий?

– Я. – Дед вытер масляной тряпкой огромные ладони. – Да не мнись, зайди. Я уж сделал все, шас вынесу твой заказ.

Костя с детства не проходил в мастерскую. Ремонтник из другой смены без вопросов принимал заказ у стойки на входе, записывал огрызком карандаша в желтую тетрадь с загнутыми страницами и там же рассчитывал, доставая на сдачу мятые купюры из засаленного кармана спецовки. Но дядя Василий уже исчез за стойкой, из гулкой темноты слышалось его скрипучее бормотание. Боль в груди не проходила. Да что ж такое, не так ведь и сильно стукнулся, а не отпускает. Костя потер место удара.

Дядя Василий тяжело шагал вперед, постукивая протезом, наследством Афганистана. В детстве Костя любил представлять, что велосипед ему чинит настоящий одноногий пират, и он проводил в пиратской пещере дни напролет. А пират колдовал с инструментами, гонял сигарету из одного угла рта в другой и напевал, шурясь от лезущего в глаза дыма:

*Хорошо тому живется,
У кого одна нога.*

Поднимал глаза на Костю, улыбался, пританцовывая огрызком сигареты:

*И порточина не рвется,
И не надо сапога.*

Костя дядю Василия обожал. Пока не познакомился с его сыном, Андреем, Ваксой, как звали его в городе. Он был старше на пару лет и к концу начальной школы уже успел сколотить вокруг себя крепкий круг таких же пустоголовых агрессивных зверят. Вакса всегда вызывал у Кости тревогу. Не сходявшая с его лица улыбка пугала: раздражающая, до зубовного скрежета фальшивая радость была, похоже, намертво приколочена к его лицу. Иногда вдруг проступало на нем еще что-то – тоска? обида? Но и это – тень, сквозь всю ту же – не отодрать – радость. Знаком его особой доблести были пуговицы с отцовской дембельской формы, перешитые на затасканную джинсовку. Золотые, со звездой. Вакса рос, джинсовки менялись, а пуговицы оставались прежними. С ними и похоронили.

Костя дрогнул плечами и огляделся.

По стенам висели мотки веревок, запасные цепи, рулоны шпагата. В углу болталась пустая погнутая клетка. Когда он был ребенком, ему казалось, что там что-то есть. Стоило отвернуться, как боковое зрение выхватывало в клетке какое-то движение, сумрак вдруг плотнел и причудливо сворачивался во что-то темное и мягкое. Он подходил ближе, но там никогда никого не оказывалось. Только пахло соленой пылью. Вдоль стены – старый, грубо сколоченный верстак, неструганный, но давно отполированный временем до глянцевости.

Над конторкой, покрытой старой клеенкой с полустертыми рыбками, появились новые магнитные ленты, на которых теперь держались инструменты: на верхней – гаечные ключи, на средней – молотки, на нижней – отвертки. Костя сосредоточился на этом новом и старался не отводить глаз, будто это могло помочь и отпугнуть внезапно ожившую память.

- А я ведь помню, каким ты был, как часто приходил сюда...
- Не надо.
- У твоего велика, «Орленка», вечно цепь соскакивала.
- Хватит! – Костя смутился своего крика и отвел глаза.

Под верстаком были свалены разномастные велосипедные колеса. Сложенные тут же листы наждачки пахли сладко и густо, как в детстве.

Вот тут, между ямой и верстаком, это и случилось. Они били Костю долго, со вкусом. За что? Именно тот, первый раз, он и не помнил. Вакса ввалился в мастерскую со своей свитой, и, прежде чем Костя успел понять, что произошло, его уже пова-

лили под верстак и пинали ногами. Помнил только, как взвиваются от каждого удара искры пыли в сияющем параллелограмме на полу.

Когда-то Костя нашел у бабушки книгу про лагерь. Какие-то воспоминания: Сибирь, торфяники, каменоломни. Книгу он так и не прочитал, забросил на первой же истории, из которой успел узнать, что когда тебя бьют, больно только первые несколько минут. А потом болевой шок спасает тело от разрушения, а дух – от мучений. Теперь же это было единственное, что имело значение. Понимая, что уйти ему не дадут и бить будут, пока не надоест, Костя закатился под верстак и ждал, когда он наступит – болевой шок. Но он так и не наступил.

С тех пор Костя избегал безлюдных мест и опасался углов и дыр, куда его можно было затолкать, – помнил, что пощады не будет. Вакса и его приятели особенно любили мучить его в шаге от толпы: за кустами сирени у школы, в туалете на городском стадионе, между киосками напротив центрального рынка.

- Я знал, что у тебя сегодня заказ, специально поменялся. Поговорить хотел.
- Конечно. – Косте было неловко, да и в мастерской совсем не было воздуха, поэтому он торопился и был готов дать деду все что попросит. – Чем могу. Нужно что?
- Ты присядь. – Обмахнув масляной тряпкой табурет, он сделал приглашающий жест.
- Бросьте, дядя Василий, что за церемонии. Надо чего?
- Я, конечно, помню, что вы с Андрюшей не дружили...
- Костя издал то ли горький смешок, то ли короткое рыдание.
- Я старый, Костя, выслушай, черт, имей уважение. Я помню и выпускной ваш, и дурацкую злую шутку с костром, и то, что велосипед твой... сломали...
- Его бросили под поезд.
- Я помню, но...

Велосипед было ужасно жаль, и все закончилось комнатой милиции для Ваксы и переломом ребра для Кости. Счастливый больничник, когда можно было не выходить из дома, закончился слишком быстро.

А в первый день в школе он нашел на ступенях крыльца, в самом углу, что-то буро-розовое. Это оказался птенец, совсем маленький, без намека на перья. Глаза его еще не раскрылись, он был полупрозрачный и больше напоминал помесь курицы, что мать приносила с рынка по выходным, и медузы с картинки в учебнике по биологии. Птенец еще

дышал, но к нему уже протянулась дорожка из муравьев. Их он и увидел первыми – этот деловитый похоронный тракт. Костя задрал голову вверх: под козырьком высокого школьного крыльца прилепилось маленькое выпуклое гнездо, будто кусок бабушкиного глиняного кувшина. Край его был чуть надколот.

Костя чувствовал, как к горлу подступает горячее и горькое. Он не знал, как спасти птенца и у кого можно просить помощи. Он просто начал разметать муравьиные дорожки ладонями, но они все равно восстанавливались. Тогда он сорвал со школьной клумбы что первым подвернулось под руку и начал мести муравьев этим веником. На выщербленных бетонных ступенях рассыпались мелкие цветочные лепестки.

– Смотрите, у этого придурка букет невесты! За муж собрался, недомерок?

То, что бежать надо было сразу, Костя понимал, но он боялся представить, что это зверье сделает с птенцом. В два прыжка проскочив все шесть ступеней, Вакса увидел паданца и придумал куда более веселую игру, чем дразнить недомерка невестой. Он подхватил птенца с земли и поднес к глазам:

– Фу-у-у. Гадость какая. Смотрите, парни. – Его команда столпилась вокруг, с брезгливым удовольствием рассматривая добычу.

– Отдайте, – выдохнул Костя. Ему до ломоты в костях было невозможно смотреть, как держит птенца громила Вакса. Жизни в нем оставалось так исчезающе-мало, что бесцеремонные прикосновения казались убийством.

– Что, недомерок, птичку жалко? Тогда забери!

Костя, не раздумывая, шагнул к нему, но Вакса перекинул птенца одному из друзей.

– Смотри, сейчас мы научим твою птичку летать!

Бросая птицу от одного к другому, они, не сговариваясь, вели Костю через школьный двор к сараю старого школьного нужника. Вакса толкнул ногой покосившуюся дверь и замер над одной из грязных дыр с птенцом в вытянутой руке. Костя знал, с самого начала знал, чем все закончится, но в тот момент, когда маленькое, мутно-розовое тело беззвучно исчезло в щербатой прорези, он резко и глупо, до звона в ушах, вдохнул. И задышал быстро и часто. Повернулся бежать, но его толкнули в спину и захлопнули дверь. С сухим стуком упала доска ночного засова.

Его тогда нашла учительница. Молоденькая и уже совсем измученная: с одной стороны – родителями, требовавшими прекращения безобразия, и с другой – дирекцией, умолявшей не выносить сор и не

портить репутацию школе, стоявшей в очереди на гранты. Она выбрала репутацию. Костя ненавидел ее за это всю жизнь. За то, что молча выпустила его из закрытого школьного нужника. Что попыталась коснуться его щеки, увидев зареванное лицо. Что предложила чистый платок, пахнувший вишней, даже проводила до дома. И – своим нежным тонким голосом ничего не сказала. Ни его родителям, ни родителям Ваксы.

– Я помню, – все повторял дед Василий, заглядывая Косте в лицо слезящимися глазами. – Но я про Саню хотел. Про твоего Саню. Это, конечно, дело житейское. Ну, бьются мальчишки, черт их разбирает, кто там кому первым дорогу перешел. Но ты видел Андрюшиного сына, Максима: сирота же растет. Так что как отец отца прошу...

Костю передернуло. То ли от сквозняка, то ли от этого голоса, чем-то неуловимо напоминавшего тот, который он все еще изредка слышал во сне.

– Ваш внук жалуется на моего Саню? – Он старался говорить тише, не выпускать то, что рвалось изнутри. – Да он же выше на две головы!

Костя понял, что нота вышла фальшивой, что гордость звучала громче удивления и что дед Василий это, конечно, расслышал.

Ночь, когда родился Саня, была его триумфом. Он вез жену в больницу на грузовике, гнал, почти опрокидываясь в поворотах. Дорога была пустой, неуверенно пробивал темноту поворотов дальний свет фар. И только на купавинском мосту за деревней сверкнул одинокий встречный огонь. Мотоциклист, подумал Костя, гонит посередине дороги, камикадзе. Прогрохотав между сварными заграждениями, фонарь мигнул, вильнул и со странным хлопком пропал в зеркале заднего обозрения. Исчез.

Ему с тех пор часто снился этот мост. Ветер, несущий запах сохнувших водорослей и тины. Под мостом – темная топь, затянутая прозрачным льдом в паутине трещин. Он кидал сверху гладкий теплый камень, снова и снова оказывавшийся в кармане, и он с нежным стуком разбивал лед. Только реки под ним никогда не оказывалось.

В ту ночь у них родился не только Саня.

– Костя! – Дядя Василий почти умолял. Видно было, с каким трудом ему даются слова. – Ты знаешь, к чему может привести обыкновенная мальчишеская вражда. Вы с Андрюшей не дружили, да, но теперь речь о детях. Саня и Максим не должны это продолжать.

Косте хотелось кричать, хотелось выплюнуть ему в лицо все то горячее и ядовитое, что годами мешало дышать. Знал ли старик вообще, о чем говорил? Где он был в тот день, когда Костя ждал его, а оказался под верстаком? Не он ли остановил Ваксу и его озверевших друзей? И если да, то какое он имеет право сейчас просить? Или имеет?

– Андрюши давно нет. Знаешь, про близких всегда так кажется – что они никуда не денутся. Как варежки на резинке. А потом – раз – и одной варежки не стало. А вторая теперь болтается. А я все перекладываю ее из кармана в карман, понимаешь? Ну, чтоб не потерять. Поговори с Саней, пусть оставит моего Максима в покое. И береги сыновей. – Дед встал, простукал протезом к конторке и протянул Косте пакет, все это время лежавший на самом виду. – Вот твой заказ.

Дома Костя первым делом всегда шел в детскую. Санина кровать была заправлена с утра и явно не тронута – опять где-то носит. За него Костя не боялся.

Когда Саня первый раз вернулся из школы со сбитыми костяшками, когда шушукался у палисадника с друзьями, явно хвастаясь победами, он думал про свою учительницу, открывшую засов старого нужника. Теперь она была завуч, с личным кабинетом и столом буквой Т. Голос ее теперь звучал ниже, а в кабинете давно пахло мелом и коньяком. Придет ли она на этот раз? Расскажет ли про репутацию и гранты? Он ждал, он готовил ей едкую отповедь, позу, выражение лица. Но она так и не пришла. И он только с горьким удовлетворением наблюдал, как идут дни, как звереет и матерееет Саня, а никто из школы так и не появился на его пороге.

Напротив Саниной кровати стояла вторая. Такая же.

Свет уже был потушен, Гоша уснул, зажав в руке телефон. Костя аккуратно вытащил его из по-детски маленькой ладони и разблокировал экран. Гоша, который почти никогда не выходил из дома, общался с вечно отсутствующим Саней голосовыми сообщениями. Усевшись в дурацкое кресло-боб, Костя открыл ватсап и заулыбался. Саня, как обычно, на связи. Выпускной класс, дополнительная программа столичного вуза, Саня – звезда научной секции, существующей на грант – тот самый, оплаченный несчетным количеством коньяка и оправданный – тысячу раз – успехами удивительных новых детей.

Длинный шлейф голосовых сообщений – ежедневная хронология событий. Костя знал, что Гошка прослушивает их каждый день. На много дней назад.

Что-то вроде внешней оперативной памяти. Хотя в ней Гоша, не умеющий забывать, не нуждался.

В комнату заглянула жена.

– Ну чего сидишь в темноте? Пойдем, не буди, у него сегодня весь день голова болела.

– Я минуту посижу. – Костя дождался, когда она выйдет, и стал по одному запускать новые аудио сыновей.

08:25. Саша

Привет. Спишь еще? Знаешь, бился над твоей задачей вчера всю ночь. Но – уговор был до пятницы, а день еще не кончен. Я думаю. Не списывай меня со счетов, умник!

11:58. Саша

Помню. Думаю. И не смей надо мной ржать... А? Я иду, иду!.. Я пошел, ща на последнем уроке будет докладывать этот придурок, Максим Ваксов. Ты его не бойся, Гош. Это он зря тебе херни наговорил в тот раз, сам он умственно отсталый. Пойду послушаю, что у него там с его фотонами.

13:42. Саша

Нет, ну ты прикинь! Если бы весь тот бред, что Ваксов там набубнил, имел бы отношение к действительности, то затухание на больших расстояниях было бы такое, что оптоволоком можно было бы разве что из спальни бабуле на кухню сообщение отправить. Борща попросить! Дебил он, я ж тебе говорил. Я зафигачил в сеть его доклад со своими комментариями. Чо я один ржу, пусть все наслаждаются.

15:02. Саша

У моего поста с докладом Максима уже несколько сотен лайков. Придурок пишет мне в личку, чтобы я его снес. Шас, ага! Еще хоть слово про тебя скажет, я и фотки его добавлю, как в прошлый раз.

16:11. Саша

Ты не жди меня, опять на весь вечер факультативы поставили. ЕГЭ, чтоб его.

17:52. Саша

Есть! Я вспомнил! Нас раньше на каникулы отправляли к деду на конезавод. А по вторникам приезжал ветеринар. Обходил стойла, пил чай с дедом, разрешал смотреть с галереи. Осмотры, прививки, анализы. Лошади боялись этого айболита до трясушки, узнавали его даже без формы и фартука. Так что – нет! Мой ответ – нет: лошади не любят вторники! Я решил твою задачу! Ха!!! Фиолетовый джойстик с подсветкой – мой.

18:31. Саша

Сию на факультативе. Скукота и мухи. А от тебя до сих пор ни одного аудио. Ты меня слушаешь вообще?..

20:00. Саша

Гоша, не молчи. Я жду новой задачи, давай, чтоб на выходные хватило. Только что-то посложнее, ну! Заставь мои мозги кипятиваться!

20:00. Саша

Ты только не раскисай. Мама говорит, тебе совсем лихо, опять голова болит. Прости, что задерживаюсь. Черт с ним, с ЕГЭ, готов я. Уже выхожу! Буду читать тебе книжку, ты выбираешь...

Последние сообщения повисли непрочитанными.

20:52. Гоша

День отстой. Больно. Ты крутой, все отгадал. Забирай джойстик.

20:53. Гоша

Я придумал новое. Обещай: не отгадаешь – не поедешь в Москву. Будешь учиться ближе к дому. Обещаешь? В общем. Если шум деревьев покрыт белым, то что ты услышишь, если пройдешь шесть ступеней?..

Осторожно прикрыв за собой дверь, Костя прошел по коридору и замер в дверях кухни. Жена сидела под лампой с книгой в руках. Не ляжет, пока не дождется Саню. Он схватил ключи и вышел, стараясь, чтобы она не слышала.

На купавинский мост Костя приезжал часто. Бросал машину внизу, поднимался по крошащейся бетонной лестнице, останавливался на середине и смотрел, перегнувшись через ржавые перила, вниз, будто ждал, что пустое чрево сухого русла вдруг родит реку. Но реки все не было. Этот мост навсегда остался для него порталом в тот, самый – счастливый? ужасный? – день его жизни, когда родились дети.

Костя тогда метался, ошалелый, по коридору первого этажа районной больницы в поисках хоть кого-то, кто мог помочь ему выяснить, что с женой и почему так долго нет новостей. Когда вдруг забегал, засуетился томный ночной персонал. За скрипучими дверями приемного мелькнули носилки с кучей какого-то грязного окровавленного тряпья. Костя вдруг споткнулся и сошел со своей уже порядком вытертой тропы на клетчатом линолеуме. Он медленно приблизился к дверям и через стекло смотрел, как суетится ночная смена вокруг носилок с неизвестным. И Костя – узнал его. По пуговицам. По дурацким золотым пуговицам со звездами, доставшимся Андрею Ваксову от дяди Василия.

Через мгновение Костя уже стоял в процедурной и смотрел через плечо хирургу, который неловко прикладывал к лицу Ваксы какой-то кусок, похожий на обломок нелепой красной маски.

Вакса лежал неподвижно, будто манекен. Косте казалось, что реальность истончается до сна. Он

вдруг заметил, что неправдоподобно белые глаза смотрят с красной маски прямо на него. Прозрачные, вымытые до дна шоком. Смотрят спокойно и серьезно.

– Шас, голубчик, шас, анестезиолог уже идет, – приговаривал хирург. – Идет же? Разбудили его? Наташа! – Он вдруг обернулся и наткнулся на Костю. – Вы кто? Как вошли? Наташа, кто это? Наташа! – Он приподнимался на цыпочки и наклонялся, будто пытался помочь голосу обойти Костю. – Уйдите сейчас же, это стерильная процедура! Наташа!!!

В двери протиснулась неправдоподобных размеров медсестра. Оглядела Костю стальным взглядом, и не успел он охнуть, как оказался за дверью в раскладном кресле со стаканом воды, остро пахнувшей хлоркой.

– Ч-что случилось? Что с Андреем?

– Друг?

– Враг, – выпалил он прежде, чем успел подумать.

– Ты что здесь забыл, враг?

– Жена рожает на третьем, привез час назад.

– А-а-а...

Костя уткнулся взглядом в хирургическую пижаму с корабликами.

– Так что с Андреем?

– С купавинского моста упал, нашли в сухом русле под эстакадой. Ударился о заграждение и вылетел. – Как с моста?

– А так. Задел кто. Или ослепил. Да мало ли. Может, сам сиганул. Не жилец.

Костя вышел в холл приемного, сел на вытертое до блеска деревянное кресло и попытался нащупать родившееся внутри чувство, распутать, разобрать его на волокна и назвать. Злость? Жалость? Посидев, кинулся в уборную. Чтобы разогнать едкий дух смеси нечистот, дезинфекта и табачного дыма, распахнул окно настежь, впусив запахи мокрого леса и тающих сугробов. Ополоснул лицо ледяной водой и посмотрел в зеркало с отколотым краем. Что это? Облегчение? Грусть? Вина?

Нет.

Он чувствовал только радость освобождения. Яркое, большое и стыдное счастье. Сидел в приемном, огушенный, пока не выбежала из родильного медсестра, маленькая, в хирургическом халате не по размеру. Кричала: «Близнецы!» Никогда он не думал, что один человек имеет право на такое счастье.

Не имеет.

Диагноз появился не сразу, но с Гошей с самого начала что-то было не так, особенно это было заметно по сравнению с Саней. С годами различий ме-

жду мальчиками становилось все больше, и каждый раз, проезжая по мосту, Костя думал о той ночи, ощущал эхо радости, чувствовал гордость за Сашу и отчаянный страх за Гошу. К мосту тянуло. Если он долго не появлялся, мост приходил во сне. Чем хуже становилось Гоше, тем темнее было на мосту. Последние недели снилась темнота, битая на тысячи звезд, осколки фонарей и плеск волн. Под мостом темно. Ветер срывает капюшон, закладывает уши и перехватывает горло. В кармане больше нет камня, но он и не нужен: вода пришла. Последние мартовские льдины, едва всплывая мутно-белыми боками, переваливаясь, всасывались под мост и появлялись снова, уже по заднему борту, и медленно растворялись во тьме.

В кармане завибрировал телефон. На экране над подпрыгивающей зеленой трубкой всплыла фотография Сани. Костя быстро поднес телефон к уху:

- Саша? Ты дома? Мне очень нужно поговорить с тобой...
- Пап, я поступил! Прошел по олимпиаде. На следующей неделе надо будет ехать в Москву на награждение победителей!
- Я так за тебя... – Дыхание перехватило, Костя склонился над заграждением моста и чуть не выронил телефон.
- ...Буду ждать дома!

В свисте ветра Костя слышал крики птиц. Ему чудились птенцы, падающие и разбивающиеся о камни.

Над школьным крыльцом, где Гоша так часто встречал Саню из школы, все так же висит старое гнездо, край его давно уже снова цел. Каждый год, когда зацветает белым чубушник у школьных ворот, там новые жильцы. В начале июня голоса птенцов тонкие и зовущие. Услышит ли их Саня, выходя из школы под слепящее солнце?

Костя знал уже сейчас.

Он стоял, как замороженный, глядя вниз. В этом году сюда дотянули федеральную трассу на Москву, и она нырнула под мост, туда, где он никогда не видел реки. И теперь она пришла, сияя красно-желтыми боками. Обогнула город, глевший на горизонте призрачно и тускло, и понеслась дальше, к покрытому мраком горизонту.

